

Петр Антонович Бородкин родился в 1918 году в Барнауле. Окончил педагогический институт. Участник Отечественной войны.

Около тридцати лет работает в Алтайском краевом архиве. Последние годы в должности заведующего архивным отделом крайисполкома.

Автор книги «У истоков», в которой собраны исторические рассказы о Барнауле, повести «Тайны змеиной горы» и других произведений.

В последнее время работает над новым циклом исторических рассказов о Барнауле.

Петр БОРОДКИН

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О БАРНАУЛЕ»

БРАТСТВО В БОРЬБЕ

Начальник Алтайских горных заводов генерал Фрезе возвращался с Павловского сереброплавильного завода. Генерал находился в добром расположении духа. И не без причин. Позади — неприятное служебное разбирательство, неустроенность дорожной жизни. Впереди, всего через три дня, — торжество — именины жены.

«Полковник Пранг, совладелец открывающегося в Барнауле и первого в России содового завода... образованнейший и необычно корректный человек... полковник Филев, управляющий Барнаульским сереброплавильным заводом, приятный собеседник, большой любитель учености... местный полицмейстер...»

Генерал с несвойственным ему душевным волнением и мечтательной улыбкой беззвучно шептал фамилии будущих гостей.

Тройка рысистых лошадей миновала глубокий увал. За ним совсем близко показался Барнаул, приземистый, расплывшийся черным пятном по речной долине. Невдалеке от городской черты тройка расчленила толпу людей, оцепленную коном.

— Кто такие и откуда?

На строгий голос генерала лихо подбе-

жал, четко отрапортовал молодой офицер:

— Ссылные бунтовщики из царства Польского, ваше превосходительство! Начальник конвоя поручик Блисталин!

Генерал приказал остановить толпу, чтобы быстрее оставить ее позади.

Невольно вспомнились недавние события 1863 года, когда угнетенные поляки с оружием в руках выступили против российского самодержца. Повстанцев, конечно, разбили. Небольшая часть их поднимала пыль за генеральской каретой, чтобы осесть на поселение в городах Барнауле и Бийске. Это обстоятельство раздражало и тревожило генерала. Еще раньше он горячо возражал против появления польских политических «преступников» из опасения их «пагубного и вредного» влияния на «умы и настроения» населения Алтайского горного округа, обширного поместья русских царей. Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель, по чьему настоянию расселялись ссылные поляки, видимо, имел большее, чем Фрезе, влияние в важных государственных делах.

19 августа 1864 года выдался погожий день. Еще по-летнему жарко припекало солнце. Лишь шелковистые паутины, ле-

ниво плывшие в воздухе, предвещали близкий приход осени. На улицах Барнаула стойкая, безмятежная тишина. И вдруг расплескался тревожный набат колокола.

Еще издали генерал увидал темную завесу над городом и не придал тому какого-либо значения: раньше часто бывало такое. За бревновозными катками ломовых извозчиков волочились длинные железные цепи. Они-то сбивали и поднимали с городских дорог плотные сгустки черной шлаковой пыли.

Генерал медленно и глубоко вдохнул воздух и чихнул от едких запахов дыма и гари. Зародившееся предчувствие недоброго подтвердилось тотчас. Откуда-то из переулка вынырнула шумная стайка ребятишек, с откровенным восторгом прозвенела в один голос:

— Пожар! Пожар!

— Гони во всю прыть!

Тяжелый ременный кнут прибавил ходу лошадям. Генерал оказался в центре Барнаула. Ему сразу же бросилось в глаза страшное: пожар бушевал в нескольких местах, горели дома на выбор — самые лучшие, которые принадлежали влиятельным и богатым лицам.

Недалеко от Петропавловского собора горел вместительный двухэтажный деревянный особняк. Его хозяйка, богатая купчиха Щеголева, бессильная что-либо предпринять, как заарканенная, билась о землю, зывала громко и нараспев:

— По-о-мо-о-ги-и-те, лю-ю-ди до-о-бры-ые!

Со страшным треском, густо брызгая искрами, осела подгоревшая крыша.

Купчиху вроде бичом опоясали. С девичьей резвостью вскочила на ноги, закричала так, что шум пожара смолк:

— Эй, люди! Спасай добро в амбарах! В долгу не останусь!

Щедрая рука купчихи принялась разбрасывать разменное серебро. Толпа людей вместе с пожарными, бросив тушить пожар на усадьбе полковника Пранга, устремила к купеческим амбарам.

Бежавшие, однако, не забывали с завидной ловкостью подбирать тусклые монеты.

— Никак, сударыня, изволите народ мутить!

На язвительное замечание купчиха даже не обернулась, лишь зло передразнила:

— Мутить! Мутить! Нешто зазорно

спасать собственное добро, стараниями да божьим помыслом приобретенное!

Тот же голос прозвучал уже более властно:

— Прикажете считать, что имущество господина Пранга разбоем нажито!

Купчиха взглянула на говорившего, ружнула на колени.

— Простите, ваше превосходительство, неразумную бабу за дерзость и неучтивость!

— Сию же минуту верните людей!

После пожара Щеголиха крепко занеужила и надолго слегла в постель. На тридцать одну тысячу сожрал огонь у нее добра.

* * *

Ранним утром на генеральской кухне бойкий перестук ножей, оживленный говор и суетливая беготня слуг. В доме готовились достойно отметить именины хозяйки.

После пожара генерал приказал выставить на углах кварталов военную и полицейскую охрану. Купцы на свой счет наняли охранников из отставных солдат и унтер-офицеров. Генерал о случившемся в Барнауле известил сибирского и томского губернаторов, заодно попросил помощи в охране города и присылке опытных следователей. Такая распорядительность внесла лишь частичное успокоение в настроения именитых горожан. Неустановленность причин пожара не устраняла тревоги и озабоченности у самого генерала даже сегодня, в день предстоявшего торжества.

Разряженная генеральша осмотрела накрытый стол. Нашла его вполне приличным, близким к изысканному.

— Как жаль, мой повелитель, что до прихода гостей еще целый час! Все готово, впору сейчас за стол садиться!

Видя, что молчавший муж к чему-то прислушивается, изумленная генеральша слегка надула губы.

— Ты разве не разделяешь моего желания, желания именинницы?

Вместо ответа генерал бросился к окну, настезь распахнул его. В гостиной отчетливо послышался призывный набат.

— Слышишь? Снова пожар! Прости, душенька, но долг обязывает меня быть там!

Новый пожар по силе превзошел предыдущий. Непроглядный занавес из ды-

ма, пепла и сажи отделил город от остального мира. По-прежнему загадочно горели лучшие дома.

Среди людей царила паника, бестолковая суетня. Часто они попевали на пожарах, когда там догорали груды пунцового угля.

Полковник Филев с трудом отыскал генерала возле строений заводского ведомства.

— Неприятное, но безотлагательное сообщение, ваше превосходительство! Ваш дом объят пламенем, моего уже не существует!

Генеральский дом стоял в горделивом уединении на живописном берегу заводского пруда. Кирпичные боковые стены, или брандмауэры, оказались бессильными против огня, который объял дом — от основания до крыши.

В полной форме, но простоволосый генерал молча наблюдал пожар, людей, тщетно пытавшихся его потушить. Вся внешность генерала от немигающего взгляда серых и холодных глаз до окаменевшей фигуры, казалось, выражала неземное спокойствие. Однако нервное подергивание жил, набухших на лысеющем сухом лбу, выдавало настоящее состояние души генерала. Гибель имущества, несостоявшиеся именины — все это казалось неожиданным, потрясающим и дерзким.

Подбежал полицмейстер, толстый, коротконогий мужчина. От волнения и непривычки к быстрой ходьбе его голос прерывался.

— Ваше превосходительство! Задержан злоумышленник-поджигатель.

Генерал заметно оживился. Постепенно к нему возвращалась обычная уверенность и властность.

— Задержан, говорите! В чем же дело? Ведите его сюда немедленно!

Генерал долго и проницательно рассматривал маленького мальчонку, черного от сажи и дыма, как галчонка.

— Это и есть злоумышленник? Благодарю за службу, господин подполковник! Займитесь настоящим делом!

Полицмейстер хорошо понял злую и скупую, уголками губ, улыбку, отчетливо уловил насмешку и раздражение в голосе генерала. И все же остался верен профессиональной предусмотрительности: приказал посадить мальчонку в секретную камеру-одиночку Барнаульской тюрьмы. У двери камеры выставил надежный караул.

Больше месяца томился в тюрьме юный арестант. Полицмейстер точнехонько установил, что мальчонку зовут Федором, отроду ему всего десять лет, что отец его барнаульский мелкий чиновник Колокольников.

В ответах полицмейстеру мальчонка говорил одно и то же:

— Я не поджигал ничего. Бегал с другими ребятами по улицам и смотрел, как горит.

Пока мальчонка прозябал в тюрьме, в городе произошло еще два опустошительных пожара. В душу полицмейстера закрадывалось сомнение в причастности подследственного к поджогам, как вдруг...

Полицейские чины задержали двух солдат 10-го линейного батальона, который охранял царские заводы на Алтае. Солдаты слонялись по улицам города без разрешения командования и тем навлекли на себя подозрение.

«Может, они и есть истинные виновники пожаров...»

С искоркой надежды полицмейстер усердно и не раз допрашивал задержанных. Те как-то вяло и односложно отвечали: «Ничего не знаем...» Солдаты оказались поляками, отбывавшими службу на Алтае за участие в восстании 1863 года. Полицмейстер срывался со спокойного тона и подступал к подследственным с кулаками.

— Бунтовщики проклятые! Я все же заставлю вас говорить по-настоящему!

Один из солдат, Быстржановский, не выдержал и пообещал дать ценные показания, но только не полиции, а воинскому начальству. Допрашивал его сам генерал.

Быстржановский признался, что ссыльных поляков в Алтайском горном округе объединяет «Комитет борьбы», который возглавляет сапожник Мокржицкий.

Генерал выразительно посмотрел на притаившегося полицмейстера.

— Гм... невероятная и сногшибательная сенсация! Скажите, Быстржановский, какие цели преследует названный вами комитет?

— Вполне определенные. Террором, диверсиями, поджогами запугать местные власти и добиться возвращения ссыльных на родину. Об остальном спросите Мокржицкого.

— Уведите, господин подполковник, арестованного и доставьте сюда Мокржицкого.

У Мокржицкого отвисшие, словно при мороженные, усы, слегка подкрашенные табачным дымом. Их шилообразные кончики чутко вздрагивали. Этого человека с прожигающим взглядом генерал видел при возвращении в Барнаул. Поборов неприятное чувство, генерал машинально встал и громко произнес:

— Этого человека не было в Барнауле при первом пожаре!

Мокржицкий опередил полицмейстера с ответом:

— Но я уже тогда возглавлял комитет и давал нашим людям в Барнауле указания через надежных связных. Не смотрите на меня удивленно, генерал. Вы не привыкли к откровенности. Я и мои товарищи решили говорить только правду, потому что мы не боимся вас и того, что нам уготовит судьба. Не тратьте времени понапрасну на следствие. Пожары — дело наших рук и рук наших русских братьев, жителей Барнаула Аксеньева, Юрьева, Черныгина и Феди Колокольников. У меня одна просьба, генерал: проявите милосердие к нашему юному другу. Я сказал все, как на духу. Уведите меня.

Мягко захлопнулась дверь. Полицмейстер бесцеремонно нарушил воцарившуюся тишину:

— А мой-то подследственный каков, ваше превосходительство! Духу в нем — фу и нет! А фигура, как выясняется, весьма важная-с!

— Провидец вы, подполковник! Чуть-ем, видит бог, не обижены. Только не с того угла нюхать начинали, не с той дорожки-с в поиск ринулись!

— Точно, не с той-с!

Тонко похихикивая, полицмейстер мягко напомнил:

— А как вы, ваше превосходительство, за того мальчонку изволили меня разделать на пожаре-с!

Генерал нахмурился, строго обрезал: — Правоуказаниями занимаетесь! Готовьте-ка лучше этап в Томск, чтобы предать законному суду злоумышленников...

* * *

Сентябрьским дождливым утром из Барнаула выехали две серые арестантские повозки. Задолго до их появления конвой угонял с дороги любопытствующих. Лишь два человека не ушли далеко за обочину: мужчина в потертой шинели чиновника и женщина.

— Не гоните нас! В повозке наш сын. Полагали, что погиб на пожаре. Отыскался все же.

Генерал Фрезе не выполнил просьбы Мокржицкого...

РЕДАКТОРСКИЕ ПРИМЕТЫ

В 1910 году в Барнауле появился свежий человек — редактор «Алтайской газеты» Колотилин. Внешность у новичка совсем не броская, не примечательная. Рост не как у тех людей, при встрече с которыми всякий прохожий про себя невольно скажет с затаенной усмешкой на лице: «Дяденька, достань воробушка». И телосложение не из богатырских. Любая одежда, будь то зимняя или летняя, не скрадывала остроты плеч и угловатости фигуры. Да и лицо у редактора, пожалуй, самое шаблонное, малоприметное, не будь бороды и усов. Именно они — борода и усы — со дня приезда редактора в город стали предметом внимания той части барнаульской публики, которая посостоятельнее и повлиятельнее

по службе. Темно-золотистого цвета, прорезанная редкими проростями седины, слегка волнистая и с шелковистым отливом борода напоминала нарядный сказочный веер. Сам городской голова, владелец барнаульской электростанции Платонов с откровенным восхищением говорил:

— У меня усы, хоть дюжину узлов вяжи, и бороды всякие видывал, но таких, как у редактора, — ни-ни!

А представители духовного сана, заговаривая о Колотилине, придавали словам оттенки нескрываемой зависти и обиды на природу, несправедливо обделившую их.

— Надо ж быть на лице такой буйной растительности! Особливо бороде. Что

густа, что длинна, что широка — одинаково. Такая под стать самому патриарху всея Руси! Да и усищи пышнее девичьих кос.

Начальника Барнаульской полиции Белоносова первая встреча с Колотилиным буквально ошеломила. Страж порядка непривычно долго и с удивлением, по-мальчишески непосредственным, пялил глаза на внешние признаки мужского достоинства, украшавшие редакторское лицо. Смотрел так, быть может, потому, что этого явно недоставало самому Белоносову, о чем он немало сокрушался. Мысленно и молниеносно Белоносов принялся перелистывать страницы русской истории, которую когда-то изучал в школе и успел презрительно подзабыть за неотложными житейскими и служебными хлопотами. Недвусмысленно подумал: «Живи редактор в отдаленные времена боярской Руси, быть ему не на последней ступеньке иерархической лестницы».

Редактор оказался человеком весьма общительным, любителем от души пошмеляться над всем тем, что было нелепым и смешным.

В Барнауле хорошо знали и в кулак посмеивались над чрезмерным увлечением городского головы охотой на птицу и зверя. Но Колотилин к охоте относился с большим уважением.

— Благороднейшая и древнейшая страсть человека. Ею безумно увлекались Аксаков, Тургенев, Толстой и многие другие выдающиеся личности.

Однако у солидного, представительной внешности Платонова, за неторопливую важность прозванного в городских низах «барином», была непонятная странность — боязнь грозы.

От громов небесных он скрывался в подвале своего дома на Пушкинской улице. На охоте сомнительным и опасным убежищем являлся для него стог сена, в пути — первая попавшаяся изба. Прячась, Платонов закладывал подушками или плотно затыкал чем-либо уши.

Здесь уже таилось противоречие — бесстрашие охотника и панический страх перед грозой. Оно рассмешило редактора и вдохновило его на стихотворный памфлет. Прочитав рукописные строки, Платонов смеялся не меньше, чем кто-либо, но был благодарен редактору за то, что тот не опубликовал их в газете. Членам городской думы накануне одного заседания Платонов открыто высказал свое мнение о Колотилине:

— Умный, образованный, премилый человек...

Проходили дни. Редактор пытливо присматривался к жизни в городе. Не брезговал посещать самые захламленные городские потайнички, места с сомнительной репутацией, которые предусмотрительно за несколько кварталов обходили или объезжали отцы города.

В редакторском блокноте, что ни день, катастрофически таяло число неисписанных страниц. Постепенно записи перекочевывали в газету.

Городские власти решили открыть новую школу для детей бедноты. Кроме желания, для школы требовалось помещение. А его не было. Пустили в ход подписные листы. Барнаульские толстосумы оказались на редкость скаредными: школа не церковь и не увеселительное заведение.

Собранных пожертвований могло еле хватить на ремонт какого-либо существующего, а не на строительство нового помещения.

Из затруднительного положения вышло чье-то до мудрости простое предложение на одном из заседаний думы:

— Нет иного выхода, как переоборудовать под школу помещение закрытого публичного дома.

Предложение приняли единогласно, едва не под оглушительное «браво». Отцы духовные в том не усмотрели и тени безнравственности, утвердительно заявили: «Освятится место сие, и в бездну канет вечная скверна». Редактор восстал против решения думы неистово и страстно. Он побывал в пустующем, мрачном доме, носящем следы своего недавнего прошлого, мысленно представил себя на месте ученика.

— Нет, господа, нельзя допустить, чтобы в доме разместилась школа! Дом, снискавший дурную и печальную славу, не может стать местом воспитания высоко нравственных чувств! Одно упоминание о прошлом, которое долго не изживет себя, будет отравлять душу ребенка!

Редактор противоборствовал безуспешно. Тогда на страницах «Алтайской газеты» появилось сатирическое стихотворение «Цветы на назъме».

В верхах барнаульского общества о редакторе заговорили приглушенно-тревожно. При встречах городского голову не стеснялись язвительно поддеть:

— Каков ваш премилый человек?

— Цветочки, господа, цветочки! Ягод-

ки впереди! Замах у редактора, видать, широкий — далеко за городскую черту достанет!

«Алтайская газета» значилась политической, литературной, экономической. Редактор помещал все более смелые и резкие комментарии внутривосточных и международных событий. С газетных полос, казалось, дул холодный, пронизывающий ветерок, который заставлял представителей официальных властей города переминаясь с ноги на ногу, выше поднимать воротники пальто. Они по-разному пробовали «остепенить» Колотилина. Либеральная барнаульская газета «Жизнь Алтая» неоднократно обрушивалась на «нигилизм» и «вольномыслие» «Алтайской газеты». Последняя же избличила своих оппонентов в резкой статье «За деньги они все напишут».

Число противников и недоброжелателей Колотилина возрастало с каждым днем. Редактор все чаще пускал огненные «стрелы» уже в самое основание темного царства. В статье «Дума гг. Пуришкевичей» газета открыто и справедливо утверждала: «Ложь и насилие всегда и во все времена и у всех народов были орудиями реакционеров».

Однажды глава черносотенного русского народного союза Михаила Архангела небезызвестный мракобес В. М. Пуришкевич обратился с призывом к «истинно» русским людям о пожертвовании на новый орган печати, который проводил бы «раскрытие разврата, царящего в стенах высшей школы, и воровства левых студенческих организаций».

«Алтайская газета» откликнулась статьей «Призыв В. М. Пуришкевича». Статья заканчивалась ядовитым, раскрывавшим замыслы черносотенцев вопросом: «Заложат ли «жен, детей своих» русские люди, чтобы поддержать орган Всероссийского сыска, клеветы и поэмоев?»

Тогда председатель местного отделения «Союза» русского народа, он же глава вольно-пожарного общества Клевакин, воинственно потрясая пухлой подшивкой «Алтайской газеты», категорично заявил Белоносову:

— Доколе терпеть подобное надругательство со стороны хулителя русской действительности! Колотилин дерзко занес руку на руководство нашего союза, союза, которому высочайше благоволит, оказывает милости сам государь-император!

Белоносов попытался было остудить закипевшего брандмейстера словами увещания:

— Повременить с редактором придется. При настоящих уликах с ним одна морока. Почитают губернатор представление и назначит какой-нибудь незначительный штраф или домашний арест. А редактор и впредь будет мутить воду. Не так ли? Пусть побольше появится крамольного материала в газете. Тогда уж ему выпадет верная решетка.

Барнаульский домовладелец Михалев восстал против доводов Белоносова.

— Улик и сейчас предостаточно! Не только господина Пуришкевича, но и весь самодержавный строй порочит редактор!

Михалев выхватил подшивку из рук Клевакина и принялся нервно листать.

— Во-во! Смотрите! Здесь помещена сказка, которая в иносказаниях высмеивает русских адмиралов, оказавшихся без кораблей в Японскую войну! А это что? Преподвительшее стихотворение «Кто чем гордится?» Вы послушайте только, господа! Европейские нации гордятся науками, музами, лучшими своими соотечественниками, а мы, русские, по милости Колотилина — лишь общественными пороками и изъянами, вымышленными и призрачными. Послушайте и убедитесь в том.

Михалев принял артистическую позу, не свойственную ему и потому неуклюжую, зачитал простуженным, скрипучим голосом:

— Мы горды бюрократией,
Полнейшей апатией,
Чиновным лихоимством,
Руками загребушими,
Глазами завидующими!

Перед глазами Белоносова — борода и усы Колотилина, обворожительные, неотразимо притягательные. Почти неощутимый ветерок лениво и ласково играет в них. Оттого рождается слабый шелест. Он, как отдаленная нежная музыка, ласкает слух, смежает веки глаз. Но, вернувшись к действительности, Белоносов быстро и решительно согласился:

— Хорошо! Быть по-вашему, господа!

* * *

Быстрее, чем ожидал Белоносов, из Томска пришло определение по делу Колотилина. За опубликование непопусти-

тельных и «порочащих государственные устои» материалов его подвергали штрафу на общую сумму в тысячу рублей. Недоброжелатели захлебывались от ликования и восторга.

— Неминуемая решетка ожидает борзописца! Тысяча рублей — ого-го — не сотня! Где ее взять голопузику? Поди-ка, на поминование души в кармане полтинника нет!

Для взноса штрафа устанавливался определенный срок, в течение которого виновный содержался под домашним арестом. Из окна второго этажа квартиры, которую занимал Колотилин, было видно, как по заснеженной улице размеренно шагал взад-вперед полицейский. Без его ведома и сопровождения арестованный не мог сделать и шагу.

Колотилин переживал тяжелые, мучительные минуты. Быть может, в двадцатый или тридцатый раз мысленно пускался в поиски злополучной тысячи рублей, которых сам и за год не заработал бы. Мать-старушка, жившая далеко от Барнаула, могла продать дом, оставленный в наследство мужем, набрать необходимую тысячу. Но на это ушло бы слишком много времени.

«Попросить у издателя газеты Шпунтовича, у кого-либо другого?» И Колотилин тотчас отвергал рождавшиеся намерения как явно несостоятельные. Шпунтович не имел таких денег. «А может, и есть, да не даст. Ему нет смысла вызволять из беды и впредь держать на работе человека с подмоченной репутацией, как я. Кого-либо другого вообще не вижу».

Единственным утешением было чтение «Алтайской газеты», подшивка которой хранилась на квартире редактора.

Между тем недоброжелатели не оставляли в покое Белоносова и изводили себя тревожными сомнениями относительно судьбы редактора.

— Может ли простить губернатор виновного в случае его полного раскаяния или внесения штрафа с нарушением установленного срока?

— Вполне ли надежна охрана Колотилина?

На первый вопрос Белоносов отвечал

уклончиво, на второй же — с профессиональной уверенностью:

— Все двери дома, в котором квартирует Колотилин, крепко заперты, кроме одной парадной. Во дворе и на улице, против окон, денно и нощно бодрствуют полицейские, которые в лицо хорошо знают арестованного.

Наступил день и час, когда истек срок уплаты штрафа, который так и остался непогашенным. Предстоявший перевод несостоятельного должника в тюрьму вызвал жгучее любопытство его недоброжелателей. Вместе с Белоносовым и двумя полицейскими урядниками они отправились к редактору. От топота двух-трех десятков ног жалобно заскрипела ветхая деревянная лестница. Дверь в квартиру была незапертой, просторная прихожая — пуста.

— Господин Колотилин!

На оклик Белоносова ответила безнадежная тишина. Безлюдной оказалась и комната, которая служила кабинетом, столовой и спальней. Полицейский, что стоял на улице, переминаясь, сбивчиво и испуганно твердил:

— В точности знаю лицо господина редактора. Ей-богу, тут-ка они. Негде кроме им быть-с! Часа два тому назад из парадной вышел мужчина. Так то не редактор были-с! Борода и усы господина редактора всему городу приметны-с!

Белоносов вспомнил о холодной кладовой напротив прихожей. На какое-то мгновение перед его глазами предстала страшная до дрожи во всем теле картина: с перекладки вниз спускается туго натянутая веревка, на ней мерно, как маятник часов, раскачивается обвисшее тело редактора...

— Обыскать кладовую!

Полицейские не успели оторвать ног от пола, как раздалась другая команда:

— Отставить!

На столе, как растерзанная малярная кисть, валялась остриженная редакторская борода, сбритые усы. От истошного крика Белоносова борода зашевелилась, как живая, распадаясь на пряди. Кончики усов дрогнули, как это бывало раньше при улыбке на лице их хозяина.